

НЕ ОТРЕКАТЬСЯ ОТ СЕБЯ

Из переписки Константина Симонова
и адмирала И. С. Исакова

С конца 50-х годов видный советский флотоводец, адмирал флота Советского Союза Иван Степанович Исаков, помимо своей основной деятельности, стал заниматься литературной работой. Долгие годы адмирал дружил с известными деятелями культуры и искусства — художником М. Сарьяном, поэтом А. Исаакием, кинорежиссером М. Роммом, черпая в общении с ними вдохновение, находя поддержку своему позднему писательскому увлечению и призванию.

Особенно тесна была связь И. С. Исакова с Константином Симоновым: писатель фактически стал его «крестным» в прозе.

Предлагаемая вниманию читателей переписка адмирала с писателем публикуется впервые.

А. АРУТЮНЯН,
начальник Главного архивного управления Армянской ССР,
доктор исторических наук, заслуженный деятель науки республики.

2 апреля 1958 г.

Дорогой Константин Михайлович!

Так сложилось... что мы с Вами ни разу не встречались. И конечно, я Вас лучше знаю, чем Вы меня.

...А помощь мне нужна — советом, сейчас поймете почему.

Мне 64 1/2 года.

Состою научным консультантом при Министерстве обороны СССР. Профессор, 56 научных работ опубликовано (в разное время). И сейчас заканчиваю книгу по подводным лодкам. От меня и дальше ждут как специальных, так и публицистических статей, книг. Не подведу — дам...

Но наряду с этим с 20-летнего возраста записывал, что видел, слышал, чувствовал. Никогда не думал о публикации. Ввиду очень насыщенной биографии и наблюдательности в итоге масса полуфабрикатов, заметок, очерков. Не скромность, а здравый смысл подсказывает, что кое-что есть полезное не только для моряков.

Мечтал уйти в отставку и начать распределять подкидышей в редакции. Но месяц назад первый сигнал сердца подсказал, что если откладывать дальше — никогда не увидит света. В то же время не только не увольняют, а, оказывается, еще нужен...

Вот я и в тупике.

Помогите мне, на примере «Дегенерата»*, советом — нужно ли мне приводить в порядок и пытаться навязывать редакциям? Ваши замечания по существу?

Учтите, что есть около 50 рассказов и новелл в разной степени готовности.

Учтите, что посылаю не лучшую вещь. Есть 3 рассказа бесспорно лучших, но боюсь с ними расстаться.

Учтите, что записано до 200 фабул, и я взорвусь, если не открою клапан...

Внутренняя потребность писать (40—45-летней давности) и сознание того, что хоть часть может пригодиться, заставили впервые потревожить Вас.

Привет и лучшие пожелания.

Ваш Исаков.

11 мая 1958 г.

Дорогой Иван Степанович!

Я с большим интересом прочитал Ваш рассказ сразу же, как только получил его в Ташкенте. Хотел написать Вам, потом выяснилось, что скоро поеду в Москву, подумал, что лучше, чем писать, увидеть Вас и рассказать Вам о своем мнении, но здесь у меня в течение двух недель была сумасшедшая работа с приехавшими сюда французами — мы доделывали сценарий «Нормандия — Неман»...

Начинаю с самого главного. Ваш рассказ, по-моему, талантлив, и то, что Вам просто нельзя дальше оставлять втуне эту сторону своих дарований, у меня лично не вызывает никаких сомнений.

Если говорить о большом плане, то мне кажется (я исхожу из Вашего письма), что Вам надо сразу выступить в печати не с одним рассказом, а с целым циклом их, то есть с объемистой вещью, включающей в себя ряд рассказов, в какой-то мере связанных канвой Вашей собственной жизни, и берущей разные этапы ее, от гражданской войны до нынешнего времени.

То, что я сейчас написал, весьма похоже на стандартную уловку редакторов, дескать, да, то, что Вы прислали, интересно, но одно это печатать мы бы не давали, давайте еще, тогда вот возьмем все, посмотрим... и т.д. Но в данном случае, без всякой уловки, мне кажется, что следует сделать именно так. Если Вы напечатаете один этот рассказ (который вполне можно напечатать и один!), Вы немедленно попадете в осаду и редакций, и разных литературных доброхотов, которые будут стараться растащить Вас по кускам, для которых будет играть весьма большую роль сочетание Вашего большого военного имени с такой пикантной неожиданностью, что вдруг адмирал Исаков, оказывается, пишет рассказы. Этого, по-моему, следует избежать...

Глубокоуважающий Вас
Ваш Константин Симонов.

20 мая 1958 г.

Дорогой Константин Михайлович!

1. Если бы Вы знали все «обстоятельства», то оценили бы свой поступок еще выше. Как я. Отпали 1000 сомнений и терзаний у человека, которого без того донимают 1000 других сомнений и терзаний.

Больше мне никого не надо. Спасибо, так как вижу Вашу искренность.

2. Не думайте, что буду злоупотреблять Вашей готовностью помочь очередному дилетанту.

Прошу отредактировать «Трофей тетушки Пэло». Это надо не только ради нее, а как урок на будущее, для других работ. Как эталон.

Не спешите. Не в ущерб себе, вернее — Вашим читателям.

3. Помимо совести, последнее диктуется тем, что опять на активной работе...

...Спросили меня: «Вам не трудно будет нам помочь?» Конечно, я сказал, что сделаю все, что могу. Про себя подумал: «Лучше умереть стоя». Это не поза. Это обстановка и вся моя жизнь. Нельзя отречься от самого себя... Спасибо дружеское.

Ваш Исаков.

19 апреля 1959 г.

Дорогой Иван Степанович!

Пишу Вам со сравнительно легким сердцем, потому что наконец сделал то, что обещал, отредактировал Ваш рассказ...

Я почти физически почувствовал, как Вам мешает излишнее чувство свободы пера. Вы очень легко владеете пером и очень часто швыряете на бумагу пригоршни там, где нужно положить слова счетом, двумя пальцами каждое. Такой широкий бросок пригоршней хорош иногда, он привлекает внимание читателя, как отдельный взрыв среди тишины, а когда превращается в канонаду, то утомляет ухо и уже не действует на чувство.

А в общем буду рад, если оказался Вам полезным с этой пробной редактурой.

...Мне кажется, что Вы чрезвычайно обокрали себя, убрав в ряде случаев собственное «я», собственную судьбу и биографию. Это неправильно. Уверю Вас, и мне, и любому другому читателю гораздо интереснее, чем все вместе взятые судьбы людей, о которых Вы пишете, Ваша собственная судьба. Вы молодой офицер доволюционного флота, пошедший служить большевикам и ставший адмиралом флота, начальником штаба флота в Великой Отечественной войне; на чьей же судьбе, как не на Вашей, показать поучительный путь военного интеллигента старой России к революции? И уже в связи с этой судьбой развернуть многие из тех картин, что развертываются в Ваших рассказах, развернуть судьбы других людей, других бывших офицеров, судьбы матросов, ставших в наше время офицерами, и т.д.

Личность Ваша и биография Ваша не таковы, чтобы писать рассказы, воспоминания и в них упоминать о себе вскользь и держать себя где-то сбоку. Тут вопрос не в скромности, тут вопрос в целесообразности. Мичман парского флота стал адмиралом советского флота. Как? Это как раз и интересно читателю, этому и должен быть посвящен рассказ о тех годах, в которые совершались первые решающие шаги этого превращения...

Ваш Константин Симонов.

13 мая 1964 г.

Дорогой Иван Степанович!

Мне переслали Ваше письмо из Москвы сюда, в край, близкие к тем, которые Вы описываете в своем «Неистребимом майоре». Я чувствую, конечно, что с этим «Майором» я в долгу перед Вами, но уж очень трудно у меня сложились обстоятельства. До последних чисел марта сдавал последнюю, самую трудную часть романа, а потом меня сразу отправили в две командировки от «Правды» — сначала в Заполярье, потом в ГДР — с двухдневным перерывом между ними. Приехал из второй, написал за два дня два очерка. И домашние вкупе с врачами буквально потребовали, чтобы я немедленно уехал, хотя бы на двадцать дней, отдохнуть, — выпроводили меня сюда, на юг, где с утра до вечера лупит дожди... Вот здесь-то я и закончил, наконец, редактировать Вашего «Майора».

Сегодня кончил и вот пишу Вам это письмо. Очевидно, дня через три, когда перепечатают, пошлю вслед за письмом и отредактированный текст повести вместе с правленным экземпляром. Я сделал, на свой страх и риск, очень большие сокращения, но я убежден, что они были совершенно необходимы. Мудрое и доброе зерно Вашего повествования тонуло в различных напластованиях, отвлечениях и отступлениях, и мне показалось, что моим дружеским долгом по отношению к Вам было решиться на целую серию больших и маленьких хирургических вмешательств в Вашу повесть.

Если говорить совсем откровенно, то я делал эти сокращения даже с удовольствием, с таким же, с каким я сокращал собственный роман «Живые и мертвые» с шестидесяти первоначальных листов до двадцати восьми. Тут дело происходило примерно в такой же пропорции, но мне кажется, что и результат тоже, как и в моем случае, во благо.

Крепко жму Вашу руку, Иван Степанович. От всей души желаю Вам добра. Очень хочу поводить Вас, поговорить, в частности, узнать Ваше мнение о последних главах моего романа. Не знаю, как они получились, но когда писал их, много раз думал с глубокой признательностью о Вас, потому что если бы не Вы и не наши откровенные разговоры с Вами, многое из написанного в этих последних главах просто-напросто не пришло бы в голову.

Ваш Константин Симонов.

* Речь идет о рассказе «Дегенерат», который был опубликован под названием «Пленник тетушки Пэло» в журнале «Советский моряк», 1959, № 18.

* Рассказ «Неистребимый майор» впервые напечатан в журнале «Москва», 1965, № 3, под названием «Повесть о неистребимом майоре».